

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОССОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ПРАЯЗЫКА

Карпенко У. А.

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова

У статті здійснено спробу відтворити фрагмент мовної особистості давніх носіїв мови на основі створених ними першокоренів. Розглянуто категорію мовного пізнання та її реалізацію в першокорені. Наведено приклад аналізу першокореня, трансляції його смислу та трансформації значень.

Ключові слова: мовне пізнання, першокорінь, трансляція, трансформація, значення, смисл.

В статье предпринимается попытка воссоздания фрагмента языковой личности древних носителей языка на основании созданных ими первокорней.

Ключевые слова: языковое познание, первокорень, смысл, значение, трансляция, трансформация.

The article deals with etymology and primary roots. It is supposed, that primary root contains some part of ancient speaker's linguistic personality, because primary root is represented as a result of the cognitive process. There is introduced the concept of primary root with its translation of sense and transformation of meanings.

Key words: language cognition, primary root, translation, transformation, sense, meaning.

Проблема языковой личности является одной из наиболее актуальных в современной науке. Благодаря разработанной методике поуровневого воссоздания языковой личности предпринимаются попытки проникновения в глубины творческого сознания великих мастеров слова, а также изучаются механизмы, движущие сознанием носителя языка, в социолингвистическом аспекте.

Для анализа любой языковой личности необходимы созданные ею тексты или суждения. Возникает вопрос: возможно ли воссоздание языковой личности древних носителей языка на заре создания слов и понятий, в эпоху “первичной номинации”? Что мы можем знать о древних носителях языка? Ведь их внутренний мир был не беднее нашего. Проблематично судить о том, была ли языковая личность “первых носителей языка” столь же богата, сколько и языковая личность А. С. Пушкина, однако, безусловно, их сознание было ни в коей мере не беднее личности киевского школьника.

О глубине и богатстве языковой личности древних носителей языка свидетельствует тот факт, что именно сквозь призму их сознания были увязаны план выражения и план содержания. Из хаоса впечатлений человек выделил, осмыслил, познал то или иное явление или предмет и дал ему номинацию.

Корректно ли говорить о языковой личности “обобщенно”, ведь в самом компоненте этого научного термина заложена семантика лица и индивидуальности? Однако в трудах Ю. Н. Краулова, М. д'Агостино применяются методики обобщения данных, полученных от множества респондентов. Но какие тексты, устные или письменные, возможно получить от “древних носителей языка”, если на момент творческого акта номинации не было текстов, словесных тканей как таковых?

Древняя языковая личность спродуцировала языковое познание, которое отобразилось в первокорнях. Первокорень, переродившись в словах разных языков, дошел до наших дней. Именно первокорень может выступить “текстом” для анализа с целью изучения древней языковой личности.

В процессе разработки данной проблемы ключевыми выступают понятия первокорня и языкового познания. Обратимся к их разъяснению.

Из глубокой древности в языки на их современном уровне развития идут первокорни, заключающие в себе то, что выделил, познал и назвал человек на заре своего существования. Познание мира отпечаталось в древнейших первокорнях, смысл которых транслируется в своём исходном состоянии и тем самым удерживает ось полисемии. Значения первокорня трансформируются в зависимости от места и времени, языка и его носителя, в речи которого происходят трансформации.

Созерцая объект в процессе познания, человек соотносит его с прежде познанным и накладывает на него свой исторический опыт, тем самым этот объект предстаёт целью новой номинации. В результате данного ментального действия происходит очередной виток трансформаций значений. Подобный виток происходит, в частности, на основании переносимого признака цвета. Так, с корнем в латинском слове *saliva* “слюна” связан восточнославянский по происхождению глагол “соловеть”, образованный суффиксальным способом от прилагательного *соловий* “желтоватый, серый”, общеславянского производного посредством суффикса **-в-** от той же основы, что и в древневерхненемецком *salo* “тёмный, грязный”, среднеирландском *salach* “грязный”. От *соловь* “серый, желтоватый” при помощи суффикса **-цј-** (> -ей) образовано слово *соловей*, называющее птицу по её цвету [15, с. 420].

Живое созерцание объектов осуществляется посредством чувственно-практической деятельности человека. Объект номинации чувственно воспринимается и тем самым происходит его восприятие, формируется представление о нём и формируется номинация. В её внутреннюю форму закладывается признак, на основании которого был осуществлён перенос, признак, отображающий связь вновь познанного с познанным прежде.

Обобщение представлений о природе вещей происходит благодаря фантазии и творческому акту. По замечанию А. А. Потебни, номинация – это акт творчества. Диалектический путь познания объективной реальности идёт от опытного восприятия к абстрактному мышлению. Конкретный воспринятый признак познаваемого закладывается в основу номинации и создаётся слово, абстрактно употребляемое для обозначения предмета или явления без его обязательного наличия в зоне действий говорящего.

Всякая последующая номинация восходит к предыдущей. Гипотетически предположим существование первичной номинации, той “отправной точки”, от которой пошли уточнения и создания новых слов. Такой “отправной точкой”, исходящей из глубокой древности, является первокорень. Он соотносится с единицей праязыка, однако не равен ей. Единицами праязыка с точки зрения формального аппарата сравнительно-исторического языкознания являются фонема, морфема, словоформа, сочетание слов или синтаксическая конструкция. Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, каждая единица праязыка задаётся соответствием между генетическим тождеством элементов отдельных языков, происходящих из данного языка [9, с. 391].

Сам праязык индоевропейской семьи, по мнению А. Мейе, мыслится А. Шлейхером, в отличие от Ф. Боппа, не как первобытный язык, но как продукт длительного и сложного развития, идущего от простой клеточки – корня к сложному флективному строю [4, с. 33].

Согласно гипотезе теории моногенеза, упоминаемой Вяч. Вс. Ивановым, праязыки произошли из диалектов одного языка *Homo sapiens sapiens*, существовавшего со времен его появления (от 100 до 30 тысяч лет назад) [9, с. 392].

Наличие единого праязыка и Вавилонской башни легко и логично объяснило бы происхождение первокорней как слов единого древнего общечеловеческого языка. Однако единый, общий праязык установить невозможно. А. Шлейхер предполагает существование множества праязыков [6, с. 90]. Г. Остгофф и К. Бругман пишут, что из форм древнейших исторически известных периодов развития языков конструировали индоевропейские

праформы, которые стали общепризнанным масштабом для рассмотрения исторических формаций языка, что сравнительное языковедение получило общее представление о жизни языков, их развитии и преобразовании главным образом с помощью индоевропейских праформ, ... являющихся, конечно, чисто гипотетическими образованиями [5, с. 155].

Центральной смысловой морфемой этимологии как науки о корнях (Бодуэн) выступает корень. Именно период корней, о котором пишет И. А. Бодуэн де Куртене, ссылаясь на Г. Курциуса, выступает первым среди периодов образования индоевропейских языков [1, с. 66, 67].

А. Мейе пишет о наличии наиболее древних корней в виде слов уже в общеиндоевропейском: “Соответствующие слова существовали уже в общеиндоевропейском, а другие могут объясняться более или менее поздним распространением некоторых слов по всей или по части индоевропейской территории... приходится под индоевропейскими словами разумеать слова, общие нескольким индоевропейским диалектам, при условии, чтобы они представляли все фонетические и морфологические изменения, характеризующие те диалекты, к которым принадлежат, и чтобы исторические свидетельства не указывали на позднейшее их появление” [3, с. 382].

Гипотетически предполагается, что первокорень в силу своей древности восходит к праязыку, и процесс номинации того или иного предмета или явления происходил в глубокой древности. Однако в ходе последующего анализа оказывается очевидным, что одним из характерных свойств первокорня является его естественное существование в движении из языка в язык. Перемещаясь по языкам, первокорень трансформируется в своих значениях. Несомненно глубокая древность некоторых первокорней, однако их принадлежность к праязыку не всегда доказуема, в результате отсутствия фиксации в этимологических словарях.

Поэтому в задачи нашего исследования, в частности, входит выявление набора первокорней как таковых, которые отражают то, что было актуально для древнего языкового сознания, осуществившего номинацию.

Первокорень – это первичный корень, положенный в основу номинации, во внутреннюю форму слова, который, трансформируясь в значениях, что обусловлено национально-культурной спецификой языков-реципиентов и их носителей, сохраняет общий семантический стержень в трансляции исходного смысла. Ярким примером сквозного прохождения смысла может служить взаимосвязь трансформаций значений первокорня слова *тетива*. Общеславянское по происхождению, оно восходит к *tetiva*, образованному, вероятно, с суффиксом *-iva* от корня **ten-*, осложнённого формантом *t*. Из **ten-t-iva* в результате изменения у восточных славян / *ɛ* / в / *‘a* / возникло *тятива*, зафиксированное в памятниках XIV века. В русском языке написание *е* вместо *я* объясняется закреплением в орфографии произношения безударного гласного *a* как *e*. Корень **ten-*, сохранившийся в слове *тенёта*, имеет соответствия в некоторых индоевропейских языках, например, в латышском *tina* “род сети”, в латинском *tenus* “верёвка”, *tendo* “натягиваю”, древнеиндийском *tántus* “верёвка”. Однокоренное слово *тенёта* (сети) является общеславянским по происхождению и представляет собой форму именительного падежа множественного числа от *тенето*. Оно образовано с помощью суффикса *-ето* от той же основы (тен-), что и *тетива* [15, с. 440, 441–442]. Праславянское **tentiva* соотносят с древнеиндийским *tantus* “бечева”, *tantram* “основа ткацкого станка”. С другой стороны, его сравнивают с латинским *tempus*, родительный падеж *-ogis* “время” с первоначальным значением ‘натянутое’ [12, с. 53].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово *tendine* “связка” в анатомическом значении. Оно происходит от позднелатинского *tendine* (*m*), связанного с глаголом *tendere* “тянуть, протягивать”, который восходит к корню **ten-*, тому же, что в *tenere* “держат, иметь” с расширением *d*. Ему родственны слова санскрита *tanômi* “я развёртываю” и *tantis* “струна, верёвка”, а также готского *ufthanian*, древневерхненемецкого *denman*, немецкого

dehnen “расширять, расстилать”, старославянского *teneto*, греческого *teino* (τέινο) “я тяну, протягиваю” и *ténon* (τένον) “связка, сухожилие”, *tònos* “верёвка”, *τατός* < *τήτός “растяжимый, тягучий” [11, с. 158], кельтского *teann*, древнеирландского *tét* “струна арфы”. Среди дериватов отмечается итальянское *tenda* “занавеска, палатка, архаичное *tenzione* – наречная форма интенсива *tentare* “пробовать, испытывать” [17, с. 993]. Дериватами выступают заимствованные в русский язык слова *интенция* – от латинского *intento* “стремление”, *intendere* “замышлять” [7, с. 234; 10, с. 308], *контейнер* – пришло в русский из английского *container* “ящик”, буквально ‘в себе держащий’, *соп-со-* и *tenere* – “держат, содержат” (аналогично построено итальянское слово *contenuto* “содержание”) [7, с. 288; 10, с. 389], *претендент* – от латинского *praetendens* “домогающийся” [7, с. 464; 10, с. 622].

Латинский глагол *tenere*, уже отмечавшийся в нашем исследовании, значение которого в литературном итальянском трансформировалось в ‘держат’, а в испанском – ‘иметь’ (владеешь тем, что держишь в руках), восходит к корню *ten- из *tendere* с расширением /e/, что обозначает длительность, а не единомоментность. Корень тот же, что и в *tenus*, *tener* “нежный” с изначальным значением “мягкий, податливый, такой, который легко удержать” [18, с. 993, 994].

Название голоса *тенор* – *tenore*, заимствованное в русский из итальянского языка в XVIII веке, также восходит к *tenere* “держат”, поскольку именно такой голос “держал” мелодию [15, с. 440].

В испанском языке однокоренной глагол *tener* “держат занятым” в кастильском начинает заменять глагол *haber* “иметь” с XII века, однако закрепляется в данном значении лишь с XVI века. Среди производных от *tierno* “нежный” отмечается *ternero* “телёнок” [17, с. 538].

Однокоренным английским словом, заимствованным в русский язык, является *tender* (*тендер*) – форма выдачи заказов на поставку товаров или подрядов на выполнение определённых работ [7, с. 572; 10, с. 768]. Данное существительное восходит к глаголу *to tend* “иметь тенденцию, склоняться”, пришедшему в английский через старофранцузское *tender*, из латыни *tendere* “тянуть, вытягивать, натягивать” [16, с. 1588].

Корень латинского глагола *tendere* “тянуть, вытягивать” пересекается с корнем другого латинские глагола *sternere* “расстилать”, того же, что и в русском “стлать”. От корня *tendere* “тянуть” при помощи предлога *ad-* со значением ‘направленности действия на что-, кого-либо’, преобразовавшегося в префикс, был образован глагол *ad-tendere*, который в итальянском дал *attendere* со значением ‘ждать’ как переходный глагол и ‘посвятить себя чему-либо с особым стремлением’, если глагол переходный. От данного глагола образовано существительное *внимание* – *attenzione* [18, с. 102]. В английском от латинского *attendere* “тянуться к чему-либо” был образован глагол *to attend* со значением “посещать, присутствовать” [16, с. 97], существительное *attendant* “слуга, служащий, тот, что сопровождает или ждёт другого”, в сочетании со словом *flight* “полёт” обозначает стюарда.

Как видно, первокорень *ten- транслирует смысл ‘тянуть’, значения которого трансформировались под воздействием метонимических переносов: то, что тянется – *тенёта*, то, что натянуто – *струна*, *тетива*, то, что натянуто и закреплено – то есть то, что удерживается, – *занавеска*, *палатка*, то, что в палатке – *магазин*; держится – значит, имеется, то, что легко удержать – податливое, мягкое, нежное; нежный и ласковый – *телёнок*.

Движущей силой перемещения первокорней является полисемия. Их количество ограничено, его невозможно выявить с математической точностью, однако приблизительное выявление возможно. Так, в результате нашего исследования было обнаружено 170 первокорней [2]. Искать их следует в диахронном аспекте, в разных родственных и неродственных языках. Выявление набора первокорней приоткрывает секрет о первоэлементах мироздания, о том, что в первую очередь человек называл и осмысливал, осуществляя языковое познание.

Семантической наполненностью первокорней являются смысл, который соотносим с тем, что заложил в него древний носитель языка, а также значения, которые образуются посредством трансформаций, породивших слова разных языков. Трансформация значений

происходит в результате уточнения и углубления знаний о познанном явлении со стороны носителей языка на протяжении всей истории своего общества. Слова, порождённые трансформациями значений, отображают уточнённые особенности предмета, который ранее был назван более общо. Этот единый стержень сохраняется посредством трансляции смысла.

Смысл понимается как обозначение исходного объекта древнего бытия, которое переходит из языка в язык на разных синхронных срезах, что обусловлено не заимствованием, а принадлежностью к праязыку.

Значение – это одно из многих пониманий разных сторон объекта, закреплённое за ним в данном языке на данном этапе его развития, значениям свойственно пошаговое преобразование посредством метонимических и (в меньшей степени) метафорических переносов. Развитие смысла осуществляется трансляцией, развитие значений происходит посредством трансформаций.

Рассмотрим пример трансляции смысла и трансформации значений первокорня с целью выявления того, на что именно и в каком аспекте человек обратил внимание, давая номинацию.

Молодой – общеславянское, имеющее соответствия в других индоевропейских языках. По звуковому оформлению восточнославянское и русское. Его современная форма развилась из древнерусской *молодыи*, вследствие изменения в русском языке **-ый** в **-ой**. Древнерусское *молодыи* образовано с помощью окончания полных прилагательных **-ьи** от краткой формы *молодь* “молодой”. Эта последняя развилась из праславянской **moldъ* после развития в ней на восточнославянской почве полногласного сочетания -оло- из **ol-*. Ему имеются соответствия в других языках: в древнепрусском *maldai* “юноши”, *maldian* (винительный падеж единственного числа) “жеребенок”, в латыни *mollis* (из **moldvis*) “мягкий”, древнеирландском *meldach* “мягкий, нежный, приятный”, готском *ga-malteins* “растворение”, древнеанглийском *meltan* “плавить, растоплять”. Наряду с **meld-* существовало индоевропейское **meldh-* [8, с. 502; 13, с. 643–644; 14, с. 269; 15, с. 269].

На основании латинского соответствия *mollis* “мягкий” возможно констатировать функционирование однокоренного слова *molle* (мягкий, нежный, сырой, вялый) в современном итальянском. Оно восходит к латинскому *mollis* из более древнего **moldwis*, из санскрита *mldu-* “нежный”, сходное с греческим *amaldýno* (я слабею) и *amalyis / malakys* (нежный) [18, с. 645].

Опираясь на соответствие древнеанглийского *meltan* “плавить, растоплять”, отметим, что в современном английском функционирует однокоренное слово *melt* “плавиться”, которое восходит к древнеанглийскому *meltan* “плавить” и соотносится с древнесеверным *melta* “солод (о пиве), перевариваться”, с греческим *meldein* “плавиться” [16, с. 974]. В итальянском слово *malto* имеет два значения: 1) солод, используемый в изготовлении пива; 2) *malta* – существительное женского рода обозначает смесь земли с известью. В значении ‘солод’ оно возводится к английскому *malt*. Ему соответствует немецкое *Malz*, восходящее к саксонскому *mealt*, которое происходит из семьи глагола *meltan* “растворяться”. *Malta* – от латинского *maltha*, от греческого *máltha* – мягкая субстанция из воска и смолы, которой мазались дощечки, чтобы писать стилем – заострённой палочкой. Это слово восходит к глаголу *malthássein* “делать мягким”, его можно связать с *malakós* “мягкий”. Исходным выступает индоевропейский корень **mel-* (размельчать, дробить), который прослеживается также в латинском *mel* “мёд”. Результатом арабско-греческого пересечения является слово амальгама. *Amalgama* происходит из средневековой латыни *amalgama*, это слово использовалось в алхимии, оно является пересечением арабского *amal-al-gama* с греческим *málagma* “нежная смесь”, от греческого глагола *malásso* “я размягчаю”. Впервые появляется в текстах Фомы Аквинского. Однокоренным является также итальянское слово *mattoni* “кирпич”. Оно идёт из народной латыни **matta*, слово средиземноморского происхождения со значением земляного блока, связанное с *maltha* [18, с. 58, 603, 619].

К анализируемому корню восходит также название мёда – *mel* в латыни. *Mel, mellis* (в современном итальянском – *miele*) восходит к индоевропейскому корню **mal-* (быть мягким, приятным), широко представленному в других языках: в греческом *méli, mélitos* (от которого *mélissa* “пчела”), в готском *milith*. Существует мнение о том, что корню **mal-* предшествовал более древний – *mar* с исходным значением “измельчать, крошить”, а затем – “радовать”, от которого – “нечто приятное, радующее”, ему соответствует слово санскрита *madhu* “мёд” и “хмельной напиток” [18, с. 634].

Приведённая этимология итальянского слова *miele* наводит на мысль о том, что тот же корень заключён в русском “мёд”. По указанию М. Фасмера, среди дальнейших этимологических соответствий русскому слову “мёд” присутствует древнеиндийское *madhu* “сладкое”, “мед, медовый напиток”, фиксируемое как соответствие приведённому итальянскому *miele*. В значении хмельного напитка данному корню соответствуют ирландское *mid* “хмельной мед”, древневерхненемецкое *metu*, греческое *métho* “мёд-напиток”. Близкие в звуковом отношении слова есть в финно-угорских языках, китайском, японском. Например, в пракаитайском **mit*, японском *mitsu*, источник которых видят в индоевропейском [13, с. 588–589; 14, с. 260]. Общеславянское слово *мёд* с основой на **-и** в славянских языках употребляется в двух значениях: ‘мёд’ и ‘напиток из мёда’ [15, с. 260].

Если следовать греческой версии номинации, однокоренным является топоним Мальта. Существует предположение, что остров назван греками *Melita* из-за большого количества пчёл, поскольку пчела на греческом – *mélissa*, его вариант – *mélitta*. От греческого названия пчелы происходит женское имя Мелисса, а также обозначение травы мелиссы [18, с. 624, 1119].

От корня **ml-* (измельчать, крошить), прослеживающегося также в санскрите, происходит слово лонгобардов *mělm* “песок”, от которого итальянское *melma* “грязь, топь” [18, с. 624]. Ему родственно русское “мель”.

Семантика ‘измельчать’ и фонетический облик указанного корня наводит на мысль о родственности английского *mill* “мельница”. *Mill* восходит к древнеанглийскому *mylen*, происходящему от позднелатинского *molīna* “мельница”, от латинского *mola* – “мельница, жёрнов”, от *molere* “молоть” [16, с. 992]. Однокоренным является итальянское слово *мельница mulino*, восходящее к *molere* – “молоть”. От этого же корня происходит итальянское *mola* “жёрнов, шлифовальный круг, точильный камень”. Оно идёт от латинского *mola*, которому имеются соответствия в греческом *mύλε*, санскрите *malanam* – действие измельчения. Исходным выступает корень **tele-* со значением “молоть”, затем – “давить” [18, с. 645, 655].

На основании латинского соответствия *molo* “мелью” возможно сделать вывод о родственности русского глагола *молоть*, современная форма которого развилась из праславянского **melti* “дробить” в результате изменения перед твёрдым /л/ гласного /е/ в /о/ (**molti*) и последующего развития в восточнославянских языках полногласия -оло-. Праславянскому слову **melti* соответствуют литовское *malti* “молоть”, албанское *mel* “мука”, армянское *malem* “разбиваю”, латинское *molo* “мелью”, древневерхненемецкое *malan* “молоть”. Однокоренным является слово *мел* [14, с. 271, 270]. Праславянское *мел* образовано от той же основы **mělti*, что и “молоть” с первоначальным значением “мелкий”. Слово *мел* писалось через *ять* и было прилагательным, а затем стало использоваться как существительное для наименования мелкого известняка, состоящего из слабо связанных частичек. От указанного прилагательного при помощи суффикса **-ьк-** было образовано прилагательное *мелок, мелкий*, в котором буква *ять* перешла в **е**, **кы** дало **ки**, **ь** исчез. От прилагательного мужского рода *мель* в древности было образовано существительное женского рода с окончанием **ь** (*i*) – *мель* со значением ‘нанос песка’, ‘осевшая на дне мелочь’. Сюда же относится древнерусское слово *мельница* [14, с. 261], *молотить* и *молот* ‘то, чем измельчают’, от основы **mol-*. Название насекомого “моль” образовано посредством чередования гласного *е/о* и темы **-ь** (<*ī*) от **melti* “молоть, дробить, мельчить”. Насекомое названо по своему мелкому размеру, а не по характеру действий [15, с. 270].

Таким образом, первокорень *ml- транслирует смысл 'размельчать, молоть'. Значения трансформировались на основании метонимического переноса "действие – его результат" – нечто мягкое, подобие мягкой консистенции породило значения "мёд", "солод", *malta* – смесь, которой покрывались таблички для письма. Метонимия "вещество – его признак" дало значение мягкий. Метафорический перенос на основании признака "мягкий" сформировал значение "молодой, незакостенелый". Метафора действия хмельного напитка сформировала значение "приятный". Метонимия по действию и тому, что его производит, *nomina agentis*, создало значение "мельница" и "жёрнова". Дальнейший метонимический перенос "действие (молоть) – его результат" дал значение "мелкий". На основании наличия мелких частичек был осуществлён метонимический перенос, в результате которого возникли значения "мел" и "мель". Таким образом, трансформация значений представляет сложное взаимодействие взаимообусловленных и взаимопорождающих метонимических и метафорических переносов, причём стартовым преобразованием, как правило, выступает метонимия.

Следовательно, возникший однажды первокорень перевоплощается во множестве трансформаций, которые происходят в результате языкового познания, осуществляемого носителями языка. Первокорень отображает то, что привлекло внимание древнего человека и то, как это явление было интерпретировано, осмыслено и названо. В контексте такого толкования гипотетически возможно предположить, что первокорень выступает тем текстом, который был спродуцирован древней языковой личностью. Вопрос о праязыке как едином целом или как о диалектной общности, очевидно, навсегда останется открытым, однако фактом существования древней номинации, произведённой древними носителями языка, выступает первокорень. Интерпретация ментально-психологической информации, заложенной в нём автором номинации, очевидно, не представляется возможной. Тем, что реально констатировать с достаточно высокой степенью достоверности, являются ментальные процессы, определяющие принципы номинации. Обратимся к обобщению некоторых из них.

При различии внутренних форм ассоциативные связи, выстраиваемые в сознании носителей разных языков на разных этапах их развития, оказываются одинаковыми. Принципы семантического переноса, соотнесения и проведения аналогий в сознании представителей различных эпох и языковых культур сходны в отличие от внутренней формы слов, отражающей национально-культурную специфику.

Аналогичное построение ассоциативных связей обусловлено универсальностью процесса языкового познания. Носители всех языков осмысливают и познают мир вне зависимости от их национально-культурной принадлежности. Результатом языкового познания является создание первокорня. Дальнейшее познание происходит посредством конкретизации и сужения, соотнесения нового с прежде познанным. Механизмом движения языкового познания является трансляция смысла и трансформация значений первокорня.

Законы развития значений универсальны и выходят за пределы одного конкретного языка: сходные реальные причины дают похожие витки в трансформации значений.

Перенос свойств воспринятого ранее объекта номинации на новый объект аналогичен выстраиванию подобий и аналогий. Данный факт свидетельствует о том, что связи в построении подобий остаются неизменными. Поэтому внутренняя форма слов, представляющая собой перенос, в составе которого есть предмет и образ, в разных языковых культурах разная, но ментальное построение связей при переносе часто оказывается одинаковым.

В процессе трансформации значений сохраняются стабильные связи. Произошедший однажды метонимический и / или метафорический перенос остаётся неизменным в пространстве (в разных языках) и времени (на разных этапах их развития).

Эта стабильность построения связей и есть то небольшое, однако базовое и неотъемлемое для всякого языкового познания, что с достоверностью возможно воссоздать как фрагмент языковой личности носителей праязыка.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: [Т. 1-2] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 384 с. (т. 1).
2. Карпенко У. А. Трансляция смысла и трансформация значений первокорня: монография. – Киев : Освита України, 2013. – 496 с.
3. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М. – Ленинград, 1938. – 510 с.
4. Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1951. – 491 с.
5. Остгофф Г. Морфологические исследования в области индоевропейских языков / Г. Остгофф, К. Бругман // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Часть I. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1960. – С. 153–164.
6. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков / А. Шлейхер // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Часть I. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1960. – С. 89–92.

Справочная литература

7. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – М., 2008. – 704 с.
8. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; [редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін.] – Т. 3: Кора – М. – К. : Наук. думка, 1989. – 552 с.
9. Иванов Вяч. Вс. Праязык / Вяч. Вс. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 391–392.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с.
11. Степанов Ю. С. Метод / Степанов Ю. С. // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 298–299.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс. – 1973. – Т. IV (Т-Я). – 852. с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс. – 1986. – Т. II (Е-М). – 671 с.
14. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Радянська школа, 1970. – 597 с.
15. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей / Н. М. Шанский / Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
16. Collins English dictionary / Third edition. Harper Collins Publishers, 1991. – 1791 p.
17. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
18. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.